

Чтобы не терять связи с Россией, я каждый год два раза, как по расписанию, приезжаю на родину, чтобы не быть упрекнутом, что, мол, не вижу, не знаю и пишу о вымышленной стране небылицы. Особенно это оскорбляет так называемых патриотов, не Патриотов, а именно, так называемых.

Итак, я вновь о России. На этот раз пробыл там более месяца и не только в Москве.

Начну с Москвы. За два-три дня адаптировался к «воздуху» и к «пище». Так же, как и москвичи, перестал ощущать их отравленность.

Первым делом – обход своих старых институтов. В Институте востоковедения мне преподнесли «сюрприз»: один из моих знакомых со злорадством заявил: «Вот ты критиковал Э. Молодякову, а ее сделали замдиректора Института». «Что же, ты радуешься, – говорю. – Плакать надо, когда такую неграмотную даму назначают на должность замдиректора».

Эту Молодякову я действительно раскритиковал в одной из своих статей про японоведов http://www.olegarin.com/olegarin/Ucebnoe_posobie.html. Ее научный уровень соответствует уровню студента третьего курса какого-нибудь института. Но сейчас на нее возложили, так сказать, и доверили возглавлять. Представляю, какую науку эта начальница начнет «развивать».

В трех других (ИДВ, ИМЭМО, Институт философии) ничего существенного с последнего моего посещения не произошло. Всё тлеет в своем научном застое, если вообще можно связать эти слова в единство. Та же рутина, хотя в ИДВ заметил пополнение из молодых японистов.

Один мой хороший знакомый, А.И. Фурсов, известный историк и «кризисолог», организовал мне лекцию в Институте динамичного консерватизма, на которой, к моему удивлению, присутствовали не студенты, как я ожидал, а маститые ученые, в том числе и легендарный Максим Калашников, которого я знал по публикациям в газете «Завтра». Мы с ним весьма близки идеологически, хотя я не разделяю его наивности что-то сделать при нынешней власти. Между прочим, он «откликнулся» на статью президента «Россия, вперед!», тот его заметил, в связи с чем имя Калашникова несколько дней шумело в прессе. До этого я и не знал, что это его псевдоним, а настоящее имя Владимир Кучеренко. В любом случае я был рад с ним познакомиться. Он, кстати, отразил мою лекцию в небольшой заметке <http://www.dynacon.ru/content/articles/345/>.

После недельного пребывания в Москве я решил навестить свой родной город Астрахань. Во-первых, хотел посетить могилы своих родителей. Во-вторых,

пообщаться со своими одноклассниками. Наконец, прочитать серию лекций среди студентов местных вузов. Мне, естественно, такие лекции малоинтересны сами по себе, но именно таким образом я узнаю реальную жизнь людей разных слоев. И всегда соглашаюсь на возможность прочитать лекцию и поразмышлять вместе.

Летел туда на вполне приличном самолете, который, в отличие от предыдущего визита, когда «воздушная птица» сшипела и хотела развалиться, доставил меня вовремя и с некоторым даже удобством. Но поначалу меня поразили билеты: они почему-то были заполнены на русском и английском языках. И это для внутренних рейсов. Чего бы это такая честь иностранному языку? Что-то я нигде на Западе не встречал, чтобы на билетах было написано на русском языке. Далее, различные объявления на самолете тоже произносились на русском и на английском (причем, совершенно невнятном). Спрашиваю стюардессу: «А причем здесь английский язык? Мы же не в США или Англии». Она: дескать, много иностранцев летают. Спрашиваю: «А что, все иностранцы знают английский язык? Вряд ли. Тогда уж надо и на французском, и на немецком, испанском, китайском и вьетнамском». В ответ – молчание.

Естественно, на Западе на внутренних рейсах такой новизны нет. Другое дело международные рейсы. Если из Парижа в Нью-Йорк, то говорят на французском и английском, если в Россию – на французском и русском. Но, повторяю, ни в коем случае не на внутренних рейсах. В России же это звучит особенно дико, имея в виду антиамериканскую позицию Москвы, ее т.н. патриотов и большую часть населения.

Астраханцы – это звучит гордо!

Подзаголовок мне подсказала программная брошюра Олега Шеина, депутата Госдумы от «Справедливой России», который баллотировался на пост мэра г. Астрахани.

В Астрахани я поселился у своей сестры, квартиру которой вместе со всем домом надо было бы снести лет пятьдесят назад из-за ветхости. Туалет протекает, окна как следует не закрываются, дверь на балкон тоже. В результате «комары в гости к нам», которые сразу же накинулись на «свежачка». Своих они почему-то не кусали. За время моего отсутствия, как говорили знакомые астраханцы, город преобразился, расстроился, стал краше. Одна из моих одноклассниц даже подарила книжку про Астрахань со словами: «Это мой город! Старый и молодой, красивый, уютный, с большим будущим и великим прошлым». Патриотизм – просто через край. В подтверждение «великого прошлого» она дала список «великих людей» г. Астрахани: артисты, певцы, художники, писатели. Ни один из них по известности не перешагнул

территорию России, а большинство и территорию Астраханской области. Больше половины из списка не знал даже я, астраханец. Одно имя, однако, действительно великое – Велимир Хлебников.

Я решил посмотреть и порадоваться за «большое будущее» моего родного города. Для начала, чтобы не кружилась голова от успехов и величия астраханцев, решил проверить этот «процесс восхождения к будущему» постепенно, на примере обустройства улиц города и возведения новых домов. Действительно, что-то настроили, но в каком-то хаотичном порядке. То там, то здесь появились вроде бы неплохие здания, а между ними деревянные полуразрушенные халупы, на треть вросшие в землю. Причем, дома эти находятся почти в центре города. Но самое интересное – это мой дом на улице Плещеева в том месте, где она пересекается с ул. Бэра. Оказывается, этот мой дом был самым ветхим во всем городе, который однажды в качестве такой достопримечательности показали Путину (я этот показ видел по телевизору, находясь в Париже.) Его вместе со многими другими домами на этой улице после этого показа снесли, пообещав президенту построить новые. Это было чуть больше года назад. И вот теперь я вижу на его месте то, что осталось. А осталась свалка, на которой роются бездомные собаки и кошки. Вся улица Плещеева представляет собой заросшее бурьяном пространство с разрушенными или полуразрушенными домами, естественно, уже без тротуаров. Упомянутая улица Бэра – тоже без тротуаров. Точнее тротуары есть, но они заросли бурьяном. И это в 15 минут ходьбы пешком от главной площади Астрахани – площади Ленина. И чтобы не быть голословным: вот моя улица и мой дом.

Любопытно, когда астраханцы читают мои статьи об Астрахани, они всерьез очень обижаются на меня за то, что я так не люблю свой город и незаслуженно, как им кажется, критикую его. Этот квасной патриотизм мне совершенно не понятен. Люди вообще не осознают, что Астрахань как город один из самых запущенных городов России. За исключением трех-четырех мест (Кремль, Братский садик, площадь Ленина и Набережная Волги) в целом он совершенно не красивый, не уютный, с архитектурой жутчайшего примитивизма. Как сказал один из моих нью-йоркских знакомых,

Астрахань типичный городок Средней Азии или какой-нибудь провинции Бангладеш. Возможно, если бы я всю жизнь жил в Харабах (районный городок в области), Астрахань мне и понравилась бы. Но, к сожалению, я жил в лучших городах мира, включая Париж. И как после Парижа оценивать достопримечательности Астрахани? Не корректное сравнение? Да, не корректное, но объективное.

Теперь о встрече с одноклассницами. Самая активная взяла на себя функцию сбора: откликнулось несколько «девчонок» из нашего класса, которым, увы, за 60. Еще одна должна была подъехать из Ростова на Дону. Я один на весь хоровод моих одноклассниц, которые были очень рады, что я их объединил на этот вечер. Как оказалось, они сами не видели лет 10. С «мальчиками» почему-то связи не было. Собрались мы в каком-то «приличном» кафе. Пластмассовые стаканчики под водку никого не удивили, ну, и меня в таком случае. Но попорченный другой жизнью я не мог этого не заметить. Дернув за встречу, «девочки» зашебетали между собой о накопившемся за 10 лет «разлуки». В принципе я был здесь лишний. Я не мог встрять в щебет о «девичьем», а своей персоной я ни одну из них не заинтересовал. Мои габаритные девчонки ворковали весь вечер, запивая старое и наливая за будущее. Мне ничего не оставалось, как тихо сидеть и прислушиваться к рассказам об их нелегкой жизни. Никто из них не выбился в богачи. Все как могли выживали. Хотя одна из них вроде бы «выжила» совсем неплохо, поскольку «работала в суде». Другая «челночила» в Турцию, сейчас на покое. Дети тоже продолжают «биться за металл». Ни слова о политике, о системе. Только о нелегкой жизни, на которую они все равно не жалуются. Мол, а как же иначе. Все нормально.

На следующий день мы должны были встречаться с ростовчанкой. Буду откровенен, я был в нее влюблен в школе. Трепет ожидания несколько оживил приближение встречи, на которую пришли двое «девочек» и я. На этот раз я попросил всё-таки найти кафе или ресторан со стеклянной посудой. Он был найден, но там, как назло, игралась золотая свадьба татарской пары. Ростовчанка, с которой мы до этого долго перезванивались и договаривались о встрече в Астрахани, выглядела значительно лучше астраханок. Она тоже весь вечер проговорила с подружкой, моя же роль оказалась сервисной, так сказать. На этой встрече я тоже был как бы сбоку припеку. Я понял, что отныне вряд ли я их еще когда-нибудь увижу. Хотя эта встреча, тем не менее, была для меня приятной, поскольку я как бы окунулся в советскую действительность. Капитализм не изменил их мышление, хотя ухудшил их общественный статус. Дело в том, что все они были из весьма обеспеченных семей, понятно, по стандартам советского времени. Я, по тем же стандартам, был из очень бедной семьи.

Ну а теперь о другом. Одной из целей визита в Астрахань, как я уже упомянул выше, было посещение могил своих родителей. Мой родственник решил составить мне компанию и повел меня по кладбищу; и вдруг, показывая на один из памятников, воскликнул: «Надо же, Васька здесь. А я с ним бухал». Я опешил от неожиданности. Он же, продолжая идти по рядам, с какой-то радостью опять вскричал: «Во, и Толян здесь. Я тоже с ним бухал. Правда, давно это было, года два назад». – «А вот и Семен Степаныч, – с какой-то издевкой произнес родственник. – Бугор наш на заводе. Сам не пил и нам не давал. Просто зверь. Не пил, не пил, а все равно помер». Честно говоря, я впервые столкнулся с человеком, который общался с памятниками как с живыми на предмет бухал-не бухал. Как-то в голове не укладывалось, что на кладбище могут возникать такие мысли.

По дороге к могиле моей матери родственник показал мне и могилу моей учительницы, Целии Зиновьевны Котляр, которая умерла совершенно неожиданно для меня. Я ей регулярно звонил из-за границы, где бы я не жил. Она, как и прежде, репетиторствовала, продолжая готовить учеников для поступления в институты. Причем, готовила она, как сама говорила, «с гарантией». У нее всегда было 100% попадание, т.е. все ее ученики обязательно поступали в институты и в университеты. В свое время именно она поменяла мое мышление не столько в процессе натаскивания меня по русскому языку (в этом деле особого прогресса у меня не было), сколько через литературу, которой она меня снабжала. Она давала мне читать Пастернака, Цветаеву, Джакомо Леопарди, Верлена, Ибсена и многих других поэтов и писателей, которые не входили в программу обучения. Благодаря ее литературе я начал размышлять об обществе, в котором жил. До этого я даже не задумывался, хорошо оно или плохо.

И вот однажды я до нее не дозвонился. Звонил целый год, пока именно этот самый родственник случайно не наткнулся на ее могилу. Оказалось, что она умерла от инфаркта, прямо во время урока одному из своих учеников. Этот человек в корне изменил мою жизнь. Ее образ я навсегда сохранил в своей памяти.

А теперь о лекциях. Читал я их студентам и преподавателям Рыбвтуза (теперь он как-то называется по-другому) и филиала какой-то Академии госслужащих. Тема лекции: Место и роль России в мире. Естественно, все, что я говорил, резко отличалось от того, что они слышали или читали. А слышали и читали они о том, что Россия «встала с колен» и Запад трепещет от рыка России. После первой лекции устроитель (мой очень хороший знакомый) сделал мне замечание: дескать, все хорошо, но ты все время «якаешь». Кроме того, не патриотично говорить «ваше правительство», «ваша страна». Ты же сам русский, значит эта страна твоя.

На следующей лекции мне пришлось начинать с извинений-объяснений. Аудитории я объяснил, что давно уже живу на Западе, а там не принято говорить «мы», когда речь идет о твоих действиях. Там пишут: не мы полагаем, а я считаю. Любая проверочная программа, например, с английского языка, будет спрашивать, кто «мы», назовите соавтора. У русских же во всех работах: мы полагаем, мы считаем, нам кажется. По второму пункту – «ваша страна» я объяснил, что не считаю современную Россию своей страной (тем более, что по гражданству я – канадец), а нынешнее государство – своим государством. *Это чуждое для меня государство, оно капиталистическое, враждебное мне.* Так же и правительство. Оно не мое, я рассматриваю его в качестве антинародного правительства, против которого необходимо бороться, а не потакать ему. Именно это государство и правительство истребляет свой народ, который уменьшается почти на миллион ежегодно. Студенты и особенно преподаватели с недоумением встретили такие объяснения.

Общее же впечатление от всех: полное непонимание реального места и роли России в мире. Но в еще большей степени – полное незнание западного мира. Такое непонимание характерно для большинства россиян: сверху до низу. Это означает, что система промывки мозгов в нынешней России поставлено на очень высокий уровень. Тут вполне уместно привести изречение Сунь Цзу из "Искусства войны": "Когда ты знаешь себя и других, ты в безопасности, когда ты знаешь себя, но не знаешь других, у тебя есть полшанса на выигрыш, но когда ты не знаешь ни себя, ни других, ты в опасности при каждой баталии".

В последний день я встретился с журналистами из газеты «Волга», главным редактором которой стал мой старый приятель по военно-спортивному отряду «Факел», в котором я был командиром оперативного батальона. Саша Шляхов входил в музыкальный батальон, который устраивал различные развлекательные мероприятия для молодежи. Он был и остается колоритной личностью. Мне командир отряда, Анатолий Бочаров, рассказывал, что на экзамене при поступлении в Пединститут он ошарашил экзаменаторов тем, что не нашел никаких художественных достоинств то ли в пьесе «Горе от ума», то ли в «Ревизоре». За что поплатился непоступлением в институт в тот год.

Наконец, я встретился со своим командиром Факела, упомянутым Анатолием Андреевичем Бочаровым и его другом, поэтом Николаем Вагановым, который в свое время меня потрясал знанием всех работ Ленина. Оба они остались убежденными советскими людьми с трезвым взглядом на современную жизнь. Встреча с ними оставила у меня самые приятные впечатления.

Не знаю, насколько лозунг: Астраханцы – это звучит гордо! - правомерен, но то, что в Астрахани есть настоящие думающие люди, то это точно.

Волжский был и пока остается советским

Из Астрахани мне надо было ехать в г. Волжский (Волгоградская область). Решил – на поезде: всего одна ночь. Билет взял купейный. Удивился, что довольно дорогой (1 168 р.). Но еще больше удивился, когда зашел в купейный вагон. Он почему-то сильно пах мочой. Я поинтересовался у проводницы средством для помывки вагона. Она пару раз нюхнула и говорит: «Ничего не чувствую. Никакой мочи». Этому я уже не удивился. Не чувствуют же астраханцы ни песка на зубах, когда ветер дует из калмыцких степей, ни вони в городе, когда ветер со стороны газовых разработок из Ахтубинска, ни жары под 50. Сам вагон и купе произвели ужасное впечатление. Какие-то грязные тряпки на окнах вместо занавесок, окна как следует не закрываются, отопления нет. Туалеты – лучше не заходить. Чай уже тоже не «дают». Этому поезду или по крайней мере этому вагону явно перевалило лет за пятьдесят. В советские времена хотя бы были симпатичные занавесочки, и скатерка чистая, и чай «подавали». Сейчас это только в памяти. Правда, мне сказали, что поезда Астрахань-Москва другого класса. А этот, дескать, местный. Поэтому не особенно и ухожен (в смысле совсем «не ухожен»). Ну ладно, поехали в этом нелюдском вагоне.

Встретил меня рано утром директор Волжского гуманитарного института (филиала) Волгоградского государственного университета Гузев Михаил Михайлович. Я очень удивился, что такое большое начальство встречает участников конференции (обычно встречей/проводами занимаются специальные люди). Привез он меня в гостиницу «Ахтуба», где я и поселился в одноместном номере за 1 200 р. в сутки. Номер – типично в советском стиле. Кран от душа, естественно, не работал. Я довел это до сведения Надежды Ивановны. «Главная на этаже», – представилась она и удивилась, поскольку Петька должен был этот кран исправить. Она опять вызвала Петьку, и он действительно минут за 10 исправил. Но я обнаружил, что нет горячей воды. На что Надежда Ивановна мне объявила, что надо подождать всего 10-12 минут, и тогда пойдет горячая вода. Действительно, через 12 минут пошла теплая, а еще через две-три минуты горячая вода. Я ужаснулся: сколько воды должно уйти попусту только в одном номере. А в гостинице? А сколько во всем городе и т.д. И это, когда весь мир бьет в колокола о нехватке пресной воды. Одна из громаднейших проблем человечества уже в ближайшем будущем.

Внешне гостиница выглядела впечатляюще. По-моему, этажей 15-16. Перед гостиницей простиралась громадная площадь – площадь Ленина. Вождь мирового пролетариата – выглядел монументально. Думаю, что он должен был быть доволен,

что его не снесли, как во многих других городах, а наоборот пестуют и жалуют. Огромный и длинный проспект Ленина с площадью Свердлова производит солидное впечатление. Я почувствовал себя в социализме. Город был построен после войны и, в отличие от Астрахани, здесь нет деревянных домов. Не знаю, как по окраинам, но в центре и около все чисто и ухожено. Правда, я не нашел особых исторических достопримечательностей. Но зато обнаружил церковь, которая стояла за памятником Ленина и которая выглядела как некое искусственное сооружение. В городе мне показали и Парк культуры и отдыха, который мне напомнил аналогичный парк в Астрахани с гипсовыми спортсменками и спортсменами. В общем город сохранил свой социалистический стиль и дух 70-80-х годов прошлого века, хотя за это время мог бы добавить что-то новенькое в соответствии с архитектурными находками 21 века. Не добавил.

Что удивительно, но и люди, с которыми я встречался, оказались весьма социалистичны. Резко критично настроены в отношении нынешней системы. Точнее, к руководителям, поскольку о самой системе они не задумываются. Один ученый из названного Института, по инициативе которого я и приехал в город, по моей просьбе задавал вопрос жителям некоторых районов Волгоградской области: в какой системе вы живите: при социализме или капитализме. Не знаю, какое количество людей он опросил, но в любом случае ни один не дал внятного ответа. Этот же вопрос я часто задавал студентам и преподавателям (в Москве, Астрахани и в Волжском). Большая часть: ни социализм, ни капитализм. Самые «продвинутые»: Россия находится в «переходном периоде» (западный штамп для «экономик переходного периода»). От чего и куда? – начинается разнобой. Когда я говорю им, что в России капитализм, специфический, но капитализм, мне активно возражают все: дескать, капитализм совсем другой и начинают указывать на Западную Европу и Америку. Им почему-то в голову не приходит, что в Индии, например, тоже капитализм, так же, как и в Бразилии, Мексике и т.д. Они уверены, что если уж капитализм, то как в США или в Германии.

Я прочитал лекции на факультете экономики и кафедре истории и международных отношений. Удивил один вопрос преподавательницы: а у вас в Америке неужели так же критикуют президента, как вы критикуете нашего? У нее как-то не укладывалось в голове, что можно открыто критиковать президента. Между прочим, на конференции, несмотря на резкую критику так называемых антикризисных программ правительства, никто Медведева/Путина не критиковал. Хотя именно они лично ответственны за эти провальные меры. Пиетет к начальству сохраняется до сих пор, и никакая демократия эту черту характера русских не может искоренить.

Несколько студентов очень обиделись за державу и пытались мне втолковать, что влияние России ощущается по всему миру. Мол, уж Толстого-Достоевского знают во всем мире. Я выразил сомнение, что их знают в Африке или Латинской Америке, и даже в США или Канаде, если кто-то специально не занимается Россией.

У русских есть специфическая особенность: им кажется, что все в мире знают о России, о ее культуре или ученых. При этом сами имея или приблизительное, или превратное представление об этом самом мире. В одной из аудиторий утверждение о том, что все знают «наших великих писателей», я спросил, знает ли кто-нибудь современных классиков канадской прозы. Естественно, никто не знал. «Почему же канадцы должны знать классиков русской прозы?» – спрашиваю. На самом деле даже на цивилизованном Западе мало что знают о современной России, а если кто и знает, то совершенно в извращенном варианте. Это касается и так называемых специалистов по России.

Да, в Институте есть музей «Эволюционной экологии и археологии». В нем хранятся уникальные экспонаты (более 2000), которые собираются во время археологических экспедиций по области. Руководит музеем А.А. Ярков, человек своим энтузиазмом блестяще оправдывающий свою фамилию.

В целом Институт производит впечатление современного учебного заведения со всеми необходимыми атрибутами (библиотека, спортивный зал, аудитории), включая само главное здание, на вид небольшое, но весьма уютное и симпатичное.

Да и студенты и преподаватели не производят впечатления провинциальных (могу сравнивать с москвичами), думаю, в немалой степени благодаря тому, что директор Института, во-первых, постоянно приглашает для чтения лекций весьма неординарных москвичей (типа Ж.Алферова), а во-вторых, регулярно проводит конференции, на которые съезжаются ученые со всей страны, главным образом из близлежащих областей, а также Москвы и Ленинграда. А такого типа конференция – это не только обмен информации, но и определенный тренинг мозгов во время дискуссий.

Вообще-то, как и везде, любое деяние, его успех и процветание зависит в значительной степени от личности, а не только от ресурсов и прочих побочных подспорий. И хотя не Гузев М.М. начинал этот Институт, но он очень удачно продолжил дело своего предшественника, превратив этот Институт в очаг просвещения и культуры. К сожалению, таких Гузевых не так уж много по стране.

На конференцию, которая называлась «Воздействие глобального экономического кризиса на регионы Юга России», приехало немало ученых, среди них известные экономисты – Ю.М. Осипов (д.э. н., директор Центра общественных наук

МГУ) и Н.Д. Колесов (д.э.н., профессор Санкт-Петербургского университета). Я их, к сожалению, до этого не знал, поскольку, несмотря на их «всемирную известность», ни разу не встречал этих имен в западных книгах по экономике. Когда я спросил у ленинградцев, какие законы в экономике открыл проф. Колесов, они очень удивились, заявив, что у него сотни учеников. Наверняка, что это так, но мне казалось «ученость» все-таки определяется вкладом именно в науку. Как бы то ни было, почти все ученые активно критиковали антикризисную программу правительства и предлагали массу вариантов, как вытащить страну из кризиса. Мое выступление прозвучало диссонансом на этом фоне, поскольку я, как и другие экономисты на Западе, считаю: что все советы, рекомендации и предложения руководству России не будут иметь никакого значения, *поскольку все, что будет сказано или обещано правительством, не будет сделано, а все, что будет сделано, сделано неправильно.*

Почему-то некоторые экономисты на такой вывод очень сильно обиделись, хотя и не смогли возразить, когда я напомнил им некоторые обещания кремлевского руководства, начиная с 2000 г. Но кризис – это острая тема. В любом случае конференция – хорошее мероприятие для общения, налаживания знакомств и контактов, и для изложения своих идей.

Левые в Москве: одни много знают, но ничего не делают,
другие много делают, но мало знают

В Москву из Волгограда я опять же летел на «англоязычном» самолете, причем за такую же цену, как из Москвы в Астрахань. Хотя лету было на час меньше.

На этот раз в Москве я попал на семинар марксиста экономиста А.В. Бузгалина, на котором участники яростно спорили, кто хуже (или лучше) был бы для России: Троцкий или Сталин. Понятно, что мнения разделились. Я, было, попытался встрять, заявив, что такого типа дискуссия бесплодна, а на настоящий день просто архивна. Надо же просто выбрать критерии в оценке развития в период правления Сталина и по ним оценить этот период. (Кто читал мои работы, знает, что для меня конечным критерием является средняя продолжительность жизни вкупе с сохранением государства.) Мой подход участников опешил, и они не знали, как на него реагировать. Уже после окончания семинара один из участников сообразил, что мне ответить: «Что ж тогда и историческая наука не нужна?» – с ехидцей спросил он меня. «А история разве наука?» «А как же!?» – выдохнул он от негодования. «Тогда, говорю, объясните, почему законы Ньютона работают одинаково в любой стране, а учебники по истории в

каждой стране разные, одни и те же события описываются с точностью наоборот?» На этот вопрос он отвечать не стал.

Бузгалин, говорят, известная фигура среди левых, но сути этих семинаров я так и не понял. Такое впечатление, что на них собираются старые историки, философы, обществоведы (в основном преподаватели) и обсуждают академические проблемы, не имеющие никакого отношения к современной жизни.

Встретился я с одним из руководителей Союза рабочих Москвы. Организация крайне слабая, хотя настроенная оппозиционно к существующей системе. Не знаю, как остальные руководители, но мой собеседник остался в плену классических словесных штампов марксистско-ленинской лексикологии. Эта лексика была уместна в соответствующие времена, но выпадает из словесного ряда современности. Казалось бы чистая формальность, но она крайне важна с точки зрения современной пропаганды. Не пойдет за тобой рабочий, особенно из молодняка, против «наемного капитала», но встанет против «прозападной камарильи» и «продажной кремлевской клики». Но проблема и в сути. Читая их газету «Слово к рабочему», чувствуется, что характер и суть современного капитализма вообще, а российского в частности авторы газеты не понимают. Они продолжают современность описывать и оценивать мерками начала 20 века. При этом, конечно же, вызывает уважение боевой настрой, готовность выйти на демонстрации и митинги.

Это проблема не только левых в России. Это проблема левых и Запада. Нет теории современного капитализма на политэкономическом уровне, нет теории нового социализма и вообще – нет научного понимания современного мира. Капиталистам это просто не надо. А социалисты-коммунисты никак не отойдут от шока «коллапса СССР», который продолжает на них действовать парализующим образом в том смысле, что это явление никак не вписывается в идею закономерного движения формаций от капитализма к социализму.

* * *

На этот раз поездка в Россию оказалась весьма насыщенной. Впечатления разнообразны, но общее впечатление: страна в плену иллюзий, превратившихся в реальность. Причем, в этой иллюзорной «реальности» пребывают и верхи, и низы. Мне А.Фурсов как-то сказал: реальность без иллюзий во всей Москве понимает человек 12, максимум 15. Естественно, он имел в виду самый верх интеллектуальной элиты (ученые, журналисты, политики). Не исключаю, что именно так. Хотя из тех, кого он назвал «понимающими», я оставил бы двоих.

О. Арин
27.10.2009